

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

выпуск
29 (92)

ИСТОРИЯ
И ФИЛОЛОГИЯ

Уважаемые читатели!
В связи с тем,
что „Палестинский сборник“,
вып. 29 был издан в 1984 г. в Горьком,
просим считать настоящий сборник
выпуском 29 (92) —
Редакционный совет РПО

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

ТАБЛИЦЫ КАНОНОВ И МИНИАТЮРЫ ПЕРВОГО ТБЕТСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ

Процесс взаимосвязи и взаимодействия византийской и восточнохристианской художественных традиций, как известно, очень активизировался в послейконоборческий период, когда Константинополю пришлось буквально воссоздавать свое изобразительное искусство с учетом новых требований. На протяжении IX–X вв. прослеживается интенсивная переработка старых моделей как в монументальной живописи, так и в книжной миниатюре. Эти модели в большинстве случаев сохранили богатое наследие восточнохристианских художественных центров, находившихся в Малой Азии и в Египте. Если стенописи подчинены общей иконографической программе декора и соотносены с архитектурными формами храма, то художественный декор кодекса тоже обычно не является просто суммой отдельных изобразительных и орнаментальных элементов, но мыслится как единое целое, и миниатюра занимает в нем строго определенное место. В указанный период наряду с константинопольскими скрипториями¹ весьма интенсивно работают провинциальные, продукция которых поражает своим разнообразием², а также мастера сопредельных христианских стран. Среди последних была Грузия. В истории ее книжного искусства четко выделяются периоды приверженности к местным традициям и усиливающейся экспансии константинопольского направления.³ Происходит как бы обратный процесс. Показательно, что стремлением снабдить кодексы произведениями столичных византийских миниатюристов отличаются преимущественно грузинская аристократия и представители высшего духовенства.

Византинизирующая миниатюра – своеобразное явление в истории грузинского книжного искусства XI–начала XIII в. Она представлена замечательными памятниками, ныне в своем большинстве уже освещенными в специальной литературе. Особенно богато такими примерами книжное искусство Грузии XI в.⁴ В этой группе кодексов, однако, несколько своеобразное место занимает так называемое Первое Тбетское Евангелие (Ленинград, ГПБ, собр. царевича Иоанна, № 212), датированное и локализованное благодаря записи. Его таблицы канонов и миниатюры представляют позднейшее дополнение к рукописи, скромное оформление которой резко отличается от поражающих блеском золота и виртуозностью исполнения орнаментов и изображений евангелистов. Сведения об этом Четвероевангелии разбросаны по многочисленным книгам.⁵ Но „византийское“ дополнение кодекса осталось как бы в тени, хотя оно заслуживает более пристального внимания.

Первое Тбетское Евангелие (называемое так в отличие от Тбетского Евангелия, переписанного в 1161–1178 гг. и украшенного серебряным чеканным окладом) входит в состав собрания царевича Иоанна Грузинского, в числе рукописей и книг которого в 1880 г. поступило в Публичную библиотеку в Петербурге.⁶ В литературу оно было введено А.А. Цагарели, давшим детальное описание этого литургического кодекса и перевод памятных записей.⁷ По поводу последних исследователь заметил: „Редко приходится библиографу иметь удовольствие видеть и описать такой роскошный экземпляр рукописи из отдаленной эпохи, как Тбетское Четвероевангелие, снаб-

женные всеми сведениями, которые желательно и необходимо знать науке о рукописи; и если чего-нибудь недостает, то это история его существования в течение длинного ряда веков".⁸ Из переведенных А.А. Цагарели записей наиболее существенны две. Одна из них, сделанная в начале указателя дневных евангельских чтений, гласит: „Написана св. книга сия в церкви [соброре] свв. апостолов в Тбети, по прошествии от сотворения мира [?] хроникона 215 [=995 г. по Р. Х.], рукою двух писцов ... Давида и Архипа ..., а переплетена рукою достопочтенного священника Стефана".⁹ Запись на л. 2 об. говорит о том, что четвертый епископ Самуил „[видел] книгу сию, Четвероангелие, и нашел ее написанную и украшенную со всею заботливостью, но без изображений [евангелистов] и без полусводов, решился с большими затратами выписать их из Греции, из великого царственного города [Царегграда], и вставил их в это св. Евангелие".¹⁰ Писцы Давид и Архип упоминают о себе и в других записях, указывая на то, что Евангелие переписано при царе Давиде Куропалате. Запись, говорящую о заказе епископом Самуилом таблиц канонов и миниатюр, А.А. Цагарели определял как сделанную не позднее XI-XII вв.

Рукопись привлекали В.В. Стасов и И. Стржиговский,¹¹ но впервые ее художественное убранство было описано только Р.О. Шмерлинг, датировавшей его XI в.¹² О Первом Тбетском Евангелии затем упоминали Г. Бухталь и О. Курц,¹³ Ш.Я. Амираншвили,¹⁴ В.Н. Лазарев,¹⁵ интересовал кодекс и исследователей грузинского перевода Евангелия.¹⁶ Памятник был представлен на выставке „Искусство Византии в собраниях СССР", в каталоге которой таблицы канонов и миниатюры отнесены к первой половине XI в. Таковы итоги, нашедшие отражение в литературе за целое столетие. Предметом монографического изучения кодекс не являлся, и место сделанных епископом Самуилом дополнений в сущности остается невыясненным, хотя они дают материал, одинаково важный для истории грузинского книжного искусства и для изучения продукции константинопольских скрипториев. Именно об этих таблицах канонов и миниатюрах пойдет речь.

Первое Тбетское Евангелие - пергаменный кодекс размером 24 x 19,5 см, состоящий из 325 листов; текст переписан асамтавури в два столбца, указатель евангельских чтений в конце рукописи писан нухури красными и темно-коричневыми чернилами. На вшитых позднее листах находятся таблицы канонов (л. 1-2) и две миниатюры, представляющие евангелистов Марка (л. 87 об.) и Луку (л. 141 об.). Миниатюры с изображениями евангелистов Матфея и Иоанна Богослова в составе кодекса не сохранились. Рукопись заключена в дощатый, покрытый кожей переплет. Таблицы канонов и обе миниатюры типологически не выпадают из круга константинопольских произведений книжного искусства, с которыми их следует сопоставить.

На л. 1 находится таблица канонов классического византийского типа с теми особенностями орнаментального заполнения, которые выявляют индивидуальность решения почти каждого произведения столь же высокого художественного уровня. Довольно массивный антаблемент поддерживают три пары киноварных колонок, двухъярусных, из которых каждая пара завершается одной широкой капителью. Колонки нижнего яруса опираются на высокие базы и завершаются синими коринфскими капителями с выделенными пробелами деталями; капители колонок верхнего ряда изумрудно-зеленые с красно-фиолетовым импостом. Антаблемент прямоугольной формы с большой полуциркулярной аркой, трактованной в виде широкой орнаментированной полосы с мотивом стебля с зелеными и синими листьями аканта; этот же мотив заполняет обрамление антаблемента, верхние углы, внутреннее пространство которых ограничено узкой зеленой полоской и заполнено трилистными кринами с синими и зелеными лепестками. Пространство арки, в нижней части которого три маленьких „прорезных" тимпана, заполняет орнаментальный мотив, образованный стеблем кольца с чередующимися рядами двух синих и среднего зеленого кринов; обрамление тимпанов имеет вид очерченной двумя линиями изумрудного оттенка полоски с расположенными вдоль них

крохотными полукругами в цвете материала с вписанными в них зелено-золотыми полукрестиками; пространство между этими полукругами залито густой синей краской, а по ней нанесен золотом и белыми легкий геометрический орнамент. Тончайшее выполнение этой разнообразной орнаментации по золотому фону создает иллюзию мерцания золота. Вверху изображены два павлина по сторонам шапки пинии. Обычные бутоны – на углах и на выступающих частях архитрава.

Две другие таблицы канонов занимают один книжный разворот (л. 1 об. – 2), поэтому имеют соотношенную между собой типологическую схему декора обрамлений, тогда как орнаментальное наполнение обнаруживает весьма существенные различия не только в отдельных деталях, но и в самом характере орнаментации. В обрамлении одной таблицы канонов преобладает геометрический орнамент, в обрамлении другой – растительный. Хотя листы с таблицами канонов сильно обрезаны внизу и несколько меньше с боков, вследствие чего оказалось нарушенным распределение композиции на странице, сами таблицы при этом пострадали в весьма несущественных деталях. Не исключено, что обрезка листов производилась при позднейших реставрациях рукописи, однако основное изменение первоначального формата было сделано уже при приспособлении привезенных из Константинополя изображений к размерам существовавшего грузинского кодекса, который не был доставлен в византийский скрипторий.

Обрамление второй таблицы канонов (л. 1 об.) при общем структурном сходстве с первым обнаруживает следующие существенные отличия: колонки одноярусные, темно-изумрудного цвета с синеватым оттенком и белыми прожилками, имитирующие каменные, двойные, перевязанные посередине (по контуру обведены тонкой золотой линией); базы колонок светло-зеленые с желтыми деталями. Антаблемент достаточно легкий и нарядный, заполненный тончайшей орнаментикой преимущественно геометрического характера. Преобладает золото, на фоне которого мерцают вкрапления синего, зеленого и белого, создавая иллюзию дорогих перегородчатых эмалей. Пространства, отделенные многосложным обрамлением антаблемента из трех орнаментальных полос и аналогичным обрамлением арки, заполнены стилизованными зелеными акантовыми листьями. Мотив орнаментики обрамления характеризуется крестовидными геометрическими фигурами, образующими цепь средней, более широкой полосы, и две более узкие полоски, заполненные рядом многократно повторяющегося четырехлепесткового цветка-розетки. Внутреннее поле арки с четырьмя окнами-тимпанами, обрамление которых составляют средний и крайний мотивы таких же, но более узких полос, заполнено тремя круглыми розетками. Средняя значительно больших размеров, чем две другие, со вписанными в четыре кольца в каждой зелеными кринами, с заполняющими пространство между кольцами голубыми широкими листьями и с равноконечным крестом в центре круга. Пространство между указанными круглыми розетками украшено подобным же мотивом, умело приспособленным к иным геометрическим фигурам. Большая круглая розетка имеет более сложную орнаментацию, но весьма ясную по своей основной схеме: в центре находится восьмилепестковый цветок желтоватого оттенка, окруженный восьмью кольцами с голубыми и зелеными кринами. Как неприменная принадлежность таблицы канонов здесь присутствуют растительные побеги, произрастающие из пяти арки, полураскрывшиеся бутоны на углах и пара птиц по сторонам растения. Но наряду с этим встречается и более оригинальная деталь: укрепленные на колонках аркады кронштейны в виде птиц, держащих в клюве подвешенную на цепях вотивную корону. Точно такие же две вотивные короны являются принадлежностью таблицы канонов на л. 2.

Таблица канонов на л. 2, как уже было отмечено, с подобной же типологической схемой отличается не только характером орнаментального наполнения, но и цветовым решением: преобладает сине-голубая гамма, сочетающаяся с блеском золота и вкраплениями зеленого. Сходство колоннады делает излишним ее подробное описание; можно отметить лишь сине-зеленые капители с розовым импостом и бледно-зеленые базы. Антаблемент имеет по-

добную же декоративную арку, а ее обрамление – чередующиеся голубые широкие цветки и вписанные в голубые кольца зеленые крины. Внутреннее поле арки заполнено двумя равновеликими круглыми розетками, представляющими вариант увеличенных маленьких розеток предыдущей таблицы канонов. Пространство между этими розетками и в углах антаблемента наполняют те же орнаментальные мотивы, что и плоскость розеток, но в несколько другом сочетании друг с другом. Здесь, как и на описанной таблице канонов на л. 1. об., такие же растительные побеги с листьями плюща, цветки на углах, шишка пинии с птицами по сторонам вверху, кронштейны в виде птиц, держащих в клюве подвешенные на цепях вотивные короны.

Описания таблиц канонов Первого Тбетского Евангелия показывают, что это весьма типичные произведения константинопольского книжного искусства, получившие самое широкое распространение в XI–XII вв. и представленные многочисленными примерами на материале сохранившейся продукции византийских скрипториев. Сходные внешне, эти таблицы канонов при ближайшем рассмотрении распадаются на почти необозримое количество вариантов и вариаций, даже в рамках одной небольшой серии приходится говорить преимущественно о сходстве основной схемы, но отнюдь не о ближайшем сходстве орнаментального наполнения. Последнее, несмотря на то что художник располагает сравнительно небольшим числом мотивов, достигает удивительного разнообразия, производя впечатление невероятной сложности, и только внимательный глаз может заметить, как вся эта экзотическая растительность строго укладывается в геометрически правильную схему. Излишне здесь подробно говорить о том, что структура таблицы канонов в определенной мере зависит от распределения канонов согласия, серии таблиц. Именно эти обстоятельства отчасти предопределяют характер обрамлений таблиц канонов, однако ими не исчерпываются причины отмеченного разнообразия. Следовательно, необходимо принимать во внимание также эволюцию самого графического оформления таблиц. В какой мере она может быть прослежена? Постановка этого вопроса вызывается той причиной, что далеко не все рукописи византийских Четвероевангелий датированы на основании комплексного их изучения, поэтому хронология образцов не может быть абсолютной. Но все же надо попытаться уяснить, пользуясь хорошо известными примерами, хотя бы общие тенденции.

Воспользуемся образцами Национальной библиотеки в Афинах. Четвероевангелие № 56, датируемое серединой X в., имеет таблицы канонов с массивными, плотно орнаментированными колонками и с совершенно иным характером орнаментики, чем листы Первого Тбетского Евангелия.¹⁷ Каноны Четвероевангелия № 2364 первой половины XI в. более сходны по своему типу: появляются изображения мраморных колонн, еще достаточно массивных и сохраняющих сходство с реальными; орнаментика антаблемента отличается большей четкостью форм; при заполнении плоскостей соблюдается принцип симметричности композиций; вверху появляется изображение птиц у фонтана лимб водоема, но не на всех таблицах.¹⁸ Такие особенности, как двухъярусная колоннада и двойные колонны, перевязанные посредине, а также сходная с большей на л. 1 об. розетка, появляются в декоре канонов Четвероевангелия № 57, датируемого третьей четвертью XI в.¹⁹ Эти черты прослеживаются и в декоре многих других византийских кодексов. В частности, ту же линию дальнейшего развития интересующих нас тенденций в оформлении канонов согласия иллюстрируют таблицы Четвероевангелия в Венской Национальной библиотеке (Theol. gr. 154²⁰), Четвероевангелия в Государственном Историческом музее в Москве (Син. греч. 518²¹) и Четвероевангелия в Палатинской библиотеке в Парме (Palat. 52²). Названные три рукописи, выполненные в константинопольских скрипториях с середины до конца XI в., позволяют наметить и хронологические рамки исполнения канонов Первого Тбетского Евангелия, общий характер которых гораздо ближе к декору греческих рукописей столичного происхождения, датируемым третьей четвертью XI в., чем первой половиной или концом того же столетия. Орнаментика и ее основные типы также говорят о том, что время изготовления

канонов едва ли может быть слишком удалено от середины XI в. Во всяком случае здесь нет черт, явно сближающих с таким памятником, как датированное примерно 1100 г. Четвероевангелие в Принстоне (Scheide Lib. cod. M 70).²³ Каноны названного кодекса имеют также изображения повешенных на цепях вотивных корон, но более упрощенного типа и без тех оригинальных кронштейнов, которые составляют интересную особенность Первого Тбетского Евангелия.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в цитированной записи епископа Самуила таблицы канонов определены в качестве „полусводов“. Это указывает на то, как их воспринимал заказчик, в данном случае тонко уловивший одну из наиболее существенных особенностей общей схемы.

Р.О. Шмерлинг не дала описания канонов Первого Тбетского Евангелия, лишь отметила, что они представляют собой „характерный образец высокого, уверенного мастерства константинопольской школы.“²⁴ Сопоставление канонов с византийской продукцией позволяет сделать более определенные выводы в отношении их датировки и связи с целой группой памятников. Однако эти выводы необходимо согласовать с заключением, вытекающим из анализа миниатюр.

Едва ли можно сомневаться в том, что в Константинополе по заказу тбетского епископа Самуила были выполнены четыре миниатюры с изображениями евангелистов, затем вшитые в Первое Тбетское Евангелие, переписанное в 995 г. К сожалению, в составе кодекса сохранились лишь две из них, что было уже отмечено. Оба изображения евангелистов весьма сходны по своей общей иконографической схеме, если не сказать, что однотипны и отличаются преимущественно в деталях. Р.О. Шмерлинг указывала, что „евангелисты дают некоторое расхождение в письме ликов и одежды“,²⁵ но это расхождение, на наш взгляд, едва ли может дать основание для приписывания миниатюр двум различным мастерам.

На л. 87 об. находится миниатюра с изображением сидящего на табурете и пишущего евангелиста Марка, помещенная, кстати, не на своем месте, так как рукопись не предполагала украшать миниатюрами. Евангелист Марк представлен в голубом хитоне, синем в тенях, с красно-коричневым клавом на правом плече и в розовом гиматии, красном в тенях, с сильно высветленными наиболее освещенными местами складок. Контрастно переданные одежды с глубокими тенями как бы противопоставлены мягкому письму лиц и рук с их плавными светотеневыми переходами, с нежнейшими оттенками охр, незаметно перетекающими в коричневые тени либо в тонко проработанные белилами цвета. Обрамляющие лицо евангелиста короткая окладистая борода и темно-русые волосы вносят некоторый элемент графичности, отчасти усиливаемый подчеркнутостью контура рук и энергично выделенными складками одежд. Синяя мутка на коричневом табурете, украшенном охристым простейшим орнаментом, соответствующим спокойным коричневым тонам столика с письменными принадлежностями, вносит определенный акцент в красочную гамму миниатюры. На пюпитре находится кодекс с синим обрезом. Живопись ступней ног евангелиста, опирающихся на золотое подножие с коричневыми боковыми гранями, в сущности совсем утрачена, сохранился лишь частично контур. Марк сидит несколько наклонившись и тростью вписывает грузинский текст Евангелия в лежащий у него на коленях кодекс. Однако оттенок белил, покрывающих страницу кодекса, наводит на мысль, что указанная деталь не первоначальная и что грузинский текст покрывает первоначальный греческий, писанный той же коричневой краской, какой выполнена греческая сопроводительная надпись сверху. Нимб сейчас мало заметен. Справа сверху — голубая небесная сфера с двуперстно благословляющей рукой. Широкое орнаментальное обрамление с выполненным по золоту тонкой сине-голубой линией изящным растительным узором окантовано киноварной линией, более широкой с внешней стороны; углы обрамления намечены проколами иглы. Широкая часть полей слева говорит о том, что художник весьма относительно знал размеры и пропорции листов грузинского кодекса, для которого выполнял миниатюры.

На л. 141 об. помещено изображение сидящего евангелиста Луки, заключенное в такого же характера обрамление, но несколько лучшей сохранности, выполненное преимущественно сине-голубой линией, с деталями, выделенными белилами и кинварью, с кинварной окантовкой. Характер обрамлений этих двух миниатюр совпадает во всем, вплоть до мелких деталей (белильная линия вдоль кинварной окантовки и белильные разводы на ее внешней, более широкой части). Композиция миниатюры построена довольно свободно, фигура сидящего евангелиста несколько смещена в нижнюю часть пространства. Лука в голубом хитоне с синим в тенях, с красным клавом на плече, в светло-охряном гиматии с коричневыми складками, имеющими характер легкой штриховки; наиболее освещенные места пройдены белилами. Лицо моделировано мягко, с оттенком большой утонченности. Тип изображения Луки с небольшой бородой и рядами курчавых прядей темно-каштановых волос является обычным. На коленях у евангелиста лежит раскрытый большой толстый кодекс с синим обрезом, в который он кистью вписывает темно-коричневой краской греческий текст Евангелия.²⁶ Образцом служит писанный унциалом текст, покрывающий длинный белый свиток, свешивающийся с пюпитра. Там же лежит кодекс с красной крышкой переплета и светло-синим обрезом. На табурете с охряными „шишками“ красная мутака. Ступни ног опираются на золотое подножие с коричневыми боковыми гранями, изображенное по правилам обратной перспективы, как и коричневый столбик с письменными принадлежностями. Свиток с текстом имеет голубой оттенок, особенно с левой стороны. Вокруг головы очерчен нимб. Вверху сопроводительная греческая надпись, нанесенная темно-коричневой краской. В правом верхнем углу небесная сфера с двуперстно благословляющей рукой — символ божьего присутствия. Наклон головы фигуры евангелиста Луки более выражен, чем в миниатюре с фигурой Марка.

Сопоставляя описанные миниатюры, нельзя не отметить, что в них налицо все признаки, говорящие о работе одного и того же мастера. Несмотря на указанное Р.О. Шмерлинг расхождение в манере исполнения лиц и одежды, мы не решаемся видеть в ней результаты деятельности различных художников. Изображения выполнены свободно и уверенно, со знанием анатомии человеческого тела, и если более схематично и более выраженными графическими средствами переданы маленькие ступни ног в сандалиях или обведены темным контуром кисти рук, то это лишь один из признаков индивидуальной манеры. В иконографии миниатюр обращает на себя внимание то, что при соответствии изображения Луки наиболее распространенному его представлению в иллюстрациях византийской рукописи X-XI вв.²⁷ Марк изображен не размышляющим,²⁸ а тоже пишущим. Мы затрудняемся указать ближайшую иконографическую аналогию этому изображению евангелиста Марка, но при этом должны отметить, что существуют достаточно близкие варианты.²⁹

В стилистическом отношении две миниатюры Первого Тбетского Евангелия могут быть сближены с изображениями евангелистов в следующих греческих кодексах Четвероевангелия константинопольского происхождения: в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, 1061 г. (греч. 72),³⁰ в Национальной библиотеке в Париже, 1070 г. (cod. suppl. gr. 1096),³¹ в монастыре св. Екатерины на Синае (№ 205),³² а также в уже упомянутых рукописях Национальной библиотеки в Афинах (№ 57) и Государственного музея в Москве (Син. греч. 518). Последние два кодекса мы привлекали при рассмотрении эволюции таблиц канонов. Сопоставив выполненные по заказу епископа Самуила изображения евангелистов с миниатюрами Четвероевангелия Национальной библиотеки в Афинах,³³ нельзя не отметить ряд точек соприкосновения их стиля, особенно наглядно проявляющихся в моделировке голов и передаче складок одежд. При этом невозможно обойти молчанием тот очевидный факт, что по уровню исполнения миниатюры Первого Тбетского Евангелия явно ниже афинских, следовательно, и весьма сходных с ними миниатюр венского и московского кодексов. Учитывая весьма динамичный процесс развития константинопольской миниатюры третьей

четверти XI в., можно сказать, что наиболее вероятным временем изготовления рассматриваемых миниатюр логичнее всего считать 1060-е гг. Этот вывод не противоречит наблюдениям, сделанным в отношении хронологических рамок выполнения таблиц канонов.

На этом непосредственную задачу датирования таблиц канонов, а также миниатюр Первого Тбетского Евангелия можно считать решенной, хотя еще не наступило то время, когда станет возможным связать выполнение этой продукции с определенным константинопольским скрипторием. Для постановки такого вопроса, как нам представляется, уже имеются достаточные основания. Едва ли можно продолжать довольствоваться констатацией факта константинопольской ориентации в художественном оформлении ряда грузинских рукописей, начиная с первой трети XI в.³⁴ Часть из них и переписана в Константинополе. Вследствие этого не приходится исключать принципиальную возможность византийского столичного происхождения канонов и миниатюр Алавердского Евангелия (1054 г.), переписанного в грузинском монастыре Богоматери Каликос на Черной Горе близ Антиохии,³⁵ а также другого Евангелия, переписанного в том же монастыре,³⁶ наряду с высказанным ранее предположением о проникновении константинопольской традиции в искусство этого монастырского скриптория.

В памятной записи Самуил называет себя четвертым епископом. То обстоятельство, что он „решился с большими затратами“ выписать из Константинополя каноны и миниатюры для украшения Четвероевангелия, переписанного для церкви свв. Апостолов в Тбети в 995 г. и хранившегося явно там же, заставляет видеть в нем тбетского епископа, и его забота об украшении литургического кодекса, таким образом, становится вполне понятной. Если правление тбетской епископией, судя по данным канонов и миниатюр, включенных им в состав Первого Тбетского Евангелия, приходится на третью четверть XI в. и даже, возможно, на 1060-е гг., отсчет от времени изготовления рукописи (может быть, синхронного учреждению тбетской епископии) оказывается вполне реальным. За более чем полустолетний период на тбетской епископской кафедре могли последовательно сменить друг друга четыре епископа, из которых последний, Самуил, заказал в Константинополе рассмотренные в нашей статье таблицы канонов и миниатюры.

П р и м е ч а н и я

¹ W e i t z m a n n K. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts. Berlin, 1935, S. 1-48.

² Ibid., S. 49-76.

³ А м и р а н а ш в и л и Ш. Грузинская миниатюра. М., 1966, с. 12-30; Ш м е р л и н г Р. Художественное оформление грузинской рукописной книги IX-XI вв. Тбилиси, 1967, ч. 1; Тбилиси, 1979, ч. П.

⁴ Г о р д е е в Д. Миниатюры грузинских лицевых рукописей Сионского древлехранилища в Тифлисе. - Ars, Тифлис, 1918, № 2, ч. 3, Ш м е р л и н г Р. Образцы декоративного убранства грузинских рукописей. Тбилиси, 1940; А л и б е г а ш в и л и Г. Художественный принцип иллюстрирования грузинской рукописной книги XI-начала XIII в. Тбилиси, 1973; М а ч а в а р и а н и Е. Группа грузинских украшенных рукописей первой трети XI века, принадлежащая к константинопольской художественной школе. Тбилиси, 1977 (П Международной симпозиум по грузинскому искусству); N i s k e l H.L. Das illuminierte byzantinische Tetraevangeliar in Gotha (Memb. I 78). - Beiträge zur byzantinischen und osteuropäischen Kunst des Mittelalters, Berlin, 1977, Bd 46, S. 61-68.

- 5 Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки. М., 1977, вып. 2, № 524: указание литературы см. на с. 70.
- 6 Отчет имп. Публичной библиотеки за 1880 г. СПб., 1881, с. 23.
- 7 Ц а г а р е л и А.А. Сведения о памятниках грузинской письменности. СПб., 1886, вып. 1, с. 17-22; СПб., 1894, вып. Ш, с. 188.
- 8 Там же, вып. 1, с. 21.
- 9 Там же, с. 20.
- 10 Там же, с. 21.
- 11 С т а с о в В.В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887, с. 71, табл. 149, № 24; Strzygowski J. Das Etchmiadzin-Evangeliar. Wien, 1891, S. 78.
- 12 Ш м е р л и н г Р. Образцы ..., с. 48, табл. УШ-1X (каноны). См. также: Ш м е р л и н г Р. Художественное оформление..., ч. 1, с. 153, 159, 177, 186-187 (каноны и миниатюры отнесены к началу XI в.).
- 13 B u c h t h a l H. and K u r z O. A hand list of illuminated oriental christian manuscripts. London, 1942, p. 106-107 (N 542).
- 14 А м и р а н а ш в и л и Ш.Я. 1) История грузинского искусства. М., 1950, т. 1, с. 202; 2) Грузинская миниатюра, с. 19, 22 (миниатюры предположительно отнесены к концу первой половины XI в.).
- 15 Л а з а р е в В.Н. История византийской живописи. М., 1947, т. 1, с. 102; L a z a r e v V. Storia della pittura bizantina. Torino, 1967, p. 169.
- 16 Б е н е ш е в и ч В.Н. Четвероангелие в древнем грузинском переводе (по рукоп. 913 и 995 гг.). СПб., 1909, вып. 1; СПб., 1911, вып. П; О происхождении Иоанна Мтбевари. - Обозреватель, Тбилиси, 1926, 1, с. 220-222 (на груз. яз.); B l a k e F.R. The old georgian version of the Gospel of Mark. - Patrologia Orientalis, 1929, vol. 20, p. 443.
- 17 М а р а в а - С h a t z i n i c o l a o u А., T o u f e x i - P a s c h o u Chr. Catalogue of the illuminated byzantine manuscripts of the National Library of Greece. Athens, 1978, vol. I, p. 22, fig. 2 (N 1).
- 18 Ibid., p. 76-77, fig. 122-126 (N 16).
- 19 Ibid., p. 112-113, fig. 222-227 (N 26).
- 20 B u b e r i P., G e r s t i n g e r H. Die byzantinischen Handschriften, 2: Die Handschriften des X-XVIII Jahrhunderts. (Beschreibendes verzeichnis der illuminierten Handschriften in Österreich, Bd. IV). Leipzig, 1938, S. 24, Taf. VI-VII.
- 21 П о п о в а О.С. Греческое Евангелие второй половины XI века: Миниатюры и орнамент. - Сборник за ликовне уметности, Нови Сад, 1979, кн. 15, с. 34, табл. 1.
- 22 Л а з а р е в В.Н. История византийской живописи. М., 1948, т. П, табл. 144, 145.
- 23 Illuminated greek manuscripts from American Collections. - An Exhibition in Honor of Kurt Weitzmann. Princeton, 1973, p. 130, fig. 57 (N 33).
- 24 Ш м е р л и н г Р. Образцы..., с. 48.
- 25 Там же.
- 26 Кстати, с орфографическим отличием по отношению к образцу на свитке.

- 27 F r i e n d A.M. The portraits of the evangelists in greek and latin manuscripts. - Art Studies, 1927, vol. V, fig. 105, 127, 130, 134, 138, 143, 171.
- 28 Christou P.S., Pelekanides S.M., Tsioumimis Ch., Kadass S.N. The Treasures of Mount Athos. - Illuminated manuscripts, Athens, 1974, vol. I, fig. 23, 81, 284.
- 29 Ibid., fig. 72, 144; Illuminated greek manuscripts ..., fig. 86, 106.
- 30 П у ц к о В.Г. К вопросу о происхождении Четвероевангелия 1061 года (ГПБ, греч. 72). - Revue des Etudes Sud-Est Européennes, 1972, t. X, p. 33-41, 1-4.
- 31 Lake K. and S. Dated greek minuscule manuscripts to the year 1200, Boston, 1935, vol. IV, pl. 299, 300.
- 32 W e i t z m a n n K. Illustrated manuscripts at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Collegeville, 1973, p. 15, fig. 16.
- 33 M a r a v a - C h t z i n i c o l a o u A., T o u f e x i - P a s c h o u Chr. Catalogue ..., vol. I, fig. 216-219.
- 34 М а ч а в а р и а н и Е. Группа грузинских украшений рукописей..., с. 1-8; Ш м е р л и н г Р. Художественное оформление..., ч. П, с. 143-147.
- 35 Там же, с. 147-150.
- 36 Там же, с. 151-153.

V.G. Putsko

THE CANON TABLES AND MINIATURES
IN THE GOSPELS OF THBETI

This article deals with the Canon tables and miniatures made in Constantinople and stitched in the Gospels of Thbeti (first) - the Georgian manuscript dated 995. Analysis of Canon tables structure and its comparison with Byzantine works of art, as well as study of two figures of evangelists Mark and Luke which remained in the codex of miniatures permit to date the Byzantine decor of the Georgian manuscript by the third quarter of the eleventh century, suppositively by the 60-es. The material published is important both for the study of Constantinople book illumination and for the history of Georgian book.
